

Что в голосе тебе моем: стоит ли разрешать использовать голоса умерших без согласия родственников

11.06.2024

НОВОСТИ КОМПАНИЙ



Записи голосов граждан после их смерти можно будет использовать в общественных интересах и без согласия родственников. Такая норма внесена в законопроект «Об охране голоса», сообщил член комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Артем Шейкин. Законопроект разрабатывается при участии Альянса в сфере ИИ и Национальной федерацией музыкальной индустрии. Мы решили разобраться в правовых рисках и этических вопросах, возникающих у экспертов в связи с предлагаемой

нормой.

Президент Федерации интеллектуальной собственности **Сергей Матвеев** считает, что такое предложение выглядит на редкость неразумно и абсолютно антиконституционно. Он напомнил, что за последнее время было высказано множество предложений касательно охраны голоса и образа человека в целом в качестве интеллектуальной собственности.

– Конституция любой цивилизованной страны, и Россия – не исключение, служит защите таких ценностей как честь, достоинств, репутация человека, его частная жизнь. Гарантия неприкосновенности личности – основа идентичности любого человека и необходимое условие сохранения социальной ткани всего общества. Источники этих норм – статья 23 Конституции Российской Федерации и статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации. Поэтому все, что связано с личностью человека, с его образом, в частности – с голосом, может использоваться только с согласия этого человека. В случае смерти человека такое согласие могут дать исключительно его близкие родственники.

Даже в случае просветительских и образовательных проектов, по мнению Сергея Матвеева, нельзя кому бы то ни было другому, в том числе ИИ, позволять безнадзорно вкладывать в уста умершего человека то, что он никогда не говорил. Необходимо гарантировать подлинность первоисточника и указывать имя автора, будь то цитата или произведение. Иначе это будет не образовательный продукт, а намеренное, возможно, преступное введение в заблуждение аудитории, спекуляция на доверии общества к конкретной личности.

– Тут уместно вспомнить, как говорил Барон Мюнхгаузен словами сценариста Григория Горина и устами Олега Янковского: «Когда меня режут, я терплю, но когда дополняют – становится нестерпимо!» – напомнил Матвеев.

С точки зрения интеллектуальной собственности предлагаемая норма выглядит столь же сомнительно, полагает Сергей Матвеев, так как противоречит действующему

законодательству, регулирующему эту сферу. Право интеллектуальной собственности прежде всего поощряет творческий труд и позволяет справедливо извлекать ренту от использования результатов такого труда авторам, наследникам и иным правообладателям. Но использование голоса или образа другого человека подвести под эту категорию невозможно.

– Запись голоса, как и любая звуковая запись вокальных, инструментальных и прочих музыкальных произведений или иных звуков, является фонограммой. Фонограмма – это результат интеллектуальной деятельности, объект смежных прав, охраняемый не только ГК РФ, но и международным правом, и требующий разрешения правообладателя на использование. Это общемировая практика не одного десятилетия. Для того чтобы что-то изменить в ГК РФ, требуются даже не столько колоссальные затраты ресурсов: финансовых, временных, кадровых, сколько убедительные аргументы, которых пока не видно, – поделился председатель правления Ассоциации IPChain **Максим Прокш**.

– Корректировка действующих правовых норм по мере развития технологий неизбежна, – убеждена адвокат, партнер и руководитель практики интеллектуальной собственности юридической фирмы BIRCH LEGAL **Екатерина Тиллинг**. – Но при этом возникает несколько параллельных коллизий: голос как объект личных неимущественных прав гражданина, личное неимущественное правомочие исполнителя – текста, песни и так далее – в контексте смежных прав с авторскими (как исполнение и его право на переработку – ст. 1315 (1)(4) ГК РФ), а также голос как объект биометрических персональных данных. При этом, согласно ст. 11 Федерального закона «О персональных данных», голос может быть признан биометрическими персональными данными, если позволяет идентифицировать человека. С точки зрения личных неимущественных прав синтез голоса можно рассматривать как некую переработку, допустимую только с согласия его обладателя: точно так же, как с личными неимущественными правомочиями, голос неотделим от личности конкретного лица, и право на него – неотчуждаемо.

На наш вопрос, чем могли руководствоваться авторы инициативы, юрист предположила, что

они склонялись к тому, что голос можно отнести к категории нематериальных благ наравне с изображением, однако в настоящий момент голос не указан в качестве такого в ст. 152.1 ГК РФ. Тиллинг подчеркнула, что согласно действующей норме, после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей.

– Что касается иных юрисдикций, то в открытых источниках обсуждается несколько интересных споров по искам известных актеров и исполнителей об использовании их голоса при синтезе ИИ без их согласия, – говорит Екатерина Тиллинг. По ее словам, здесь имеет место правовая неопределенность, подпадает ли в данном случае голос под «голосовые отпечатки», которые относятся к биометрии. И стоит учесть, что «отпечатки» (математические данные о факторах голоса) – это не то, на чем обучаются алгоритмы.

Композитор, продюсер и радиоведущий **Владимир Матецкий** в качестве показательного примера привел недавний кейс актрисы Скарлетт Йоханссон, которая заподозрила компанию Open AI в присвоении ее голоса. И хотя представители компании утверждали, что не использовали для создания голосового помощника голос актрисы, они предпочли его удалить, чтобы избежать скандала и судебных разбирательств:

– Мне показалось предложение передавать права на использование голоса в общественное пользование по меньшей мере странным. Почему? Дело в том, что в авторском праве существует и активно действует – причем во всем мире – система наследования прав. Соответственно, права на голос ушедшего из жизни человека должны переходить ближайшим родственникам – так же, как происходит с литературными или музыкальными произведениями. Аналогично право на голос живущего человека принадлежит ему самому, а в случае его смерти – наследникам. При этом должен быть выработан разумный срок охраны. И вот только после окончания срока охраны права на использование голоса могут перейти в PD (public domain), то есть стать общественным достоянием. «Так что я против подобной инициативы передачи прав на голос в общественное достояние», — сказал Владимир Матецкий.

Против инициативы высказался и продюсер **Иосиф Пригожин**:

– Я, например, хотел бы, если использовался бы мой голос или кого-то из моих близких, чтобы моя семья получала за это авторские вознаграждения. И я против того, чтобы кто-то это мог делать без соответствующего разрешения, зарабатывать на этом деньги. К сожалению, зачастую такого рода цели далеки от благотворительности. В каждом конкретном случае это должно работать согласно нормам авторского права, когда наследники должны давать разрешение на использование голоса. Точно так же как берут разрешение на исполнение песен, музыки. Голос нужно защищать от ИИ и от нейросетей, потому что сегодня уже нередко используют видео известных людей, подкладывают под картинку оригинально звучащую звуковую дорожку со своим текстом и выдают за чистую монету. Пока все разберутся, что к чему, человеку, его имени, может быть нанесен непоправимый репутационный ущерб.

– Хорошо, что об этом стали говорить в связи с развитием новых технологий. Но мне кажется, что требуется более глубокая и детальная проработка возможных перспектив, – уверен продюсер и генеральный директор «Москонцерта» **Илья Бачурин**.

По его мнению, голос – неотъемлемой частью образа, собственностью самого человека, и не должен отчуждаться на безальтернативной основе, определенной законодательством. Необходимо спрашивать разрешение человека о том, как в дальнейшем можно его использовать. Практика может быть схожа с разрешением на трансплантацию органов после смерти. Продюсер также высказался о репутационных рисках, которые таит данная инициатива:

– Здесь ключевыми будут вопросы, связанные даже не с созданием дипфейков, а с созданием оригинальных произведений. Представьте, умирает артист с узнаваемым голосом, с большой аудиторией поклонников, его наследники теряют право на его голос, и на следующий день появляется хит, где этот артист своим голосом при помощи ИИ исполняет какую-то чужую композицию. Вполне реальная ситуация. Не очень, как мне кажется, корректная по отношению к правообладателям, потому что голос может быть использован вразрез с интересами, творческими концепциями и жизненными убеждениями артиста. Например, он чего-то не поддерживал при жизни, а после смерти его голос заставили озвучить все то, против чего он всю жизнь сражался. Какая-то странная коллизия получается.

Президент кинопрокатной компании «КарроПрокат», а в прошлом известный актер дубляжа **Алексей Рязанцев** тоже высказал опасения, что предлагаемая норма может корректно использоваться в реальной жизни:

– У меня богатый опыт работы в озвучании со студией Warner brothers. Да, мы заключали договор, что голос на языке, на котором дублируется фильм, отчуждается в пользу киностудии на весь период проката фильма и дальнейшего использования. Мы не могли предъявить никаких претензий после заключения договора. Но актер дубляжа может озвучивать разных людей. И тот голос отчуждался на конкретный проект. И я сам выбирал – соглашаться на него или нет. Совсем другое дело – использование голоса после смерти. Это напоминает комедию Георгия Данелии «Тридцать три», когда герой Владимира Басова предлагал персонажу Евгения Леонова продать свой череп в пользу науки до того, как он умрет. Будет странно, если такой закон примут, потому что последующее использование

голоса умершего человека – это его индивидуальность. Мы знаем массу актеров с узнаваемыми голосами, которых невозможно ни с кем спутать – Николай Караченцов, Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский и так далее. Они имеют свое характерное звучание и отличительный образ. Так что предложение использовать голоса известных людей без получения каких бы то ни было разрешений звучит странно. Это серьезные репутационные риски. Мало ли для каких целей голос будет использован.

– Мне кажется, что это сложный вопрос, который нельзя решать как сейчас, «с кондачка». На использование голоса в любых, даже самых благих целях нужно получать разрешение, – отмечает продюсер **Виктор Дробыш**. – Если говорить, как бы я хотел, как бы это было со мной или с одним из моих артистов, то я за то, чтобы брать разрешение у правообладателей. Или семьи. Потому что стоит учитывать, насколько им нравится проект, где будет использован голос: не ранит ли использование голоса их память о близком человеке? Не зря в Конституции сказано, что у человека есть право на неприкосновенность частной жизни, защиту своей чести и доброго имени и право справедливо извлекать ренту от использования результатов авторского труда.

Все опрошенные нами эксперты сходятся в одном, что в столь деликатных и сложных вопросах нужно глубже взглянуть на проблему и детальнее разобрать безусловно имеющиеся серьезные риски.